

Дьяконов Константин Борисович

**СТРАТЕГИИ ИНТЕГРАЦИИ И АДАПТАЦИЯ ИММИГРАНТОВ
ИЗ СТРАН СЕВЕРНОЙ АФРИКИ В СОВРЕМЕННОМ
ФРАНЦУЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Специальность 23.00.02

Политические институты, этнополитическая конфликтология,
национальные и политические процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Москва - 2009

Диссертация выполнена в Центре исследований международных отношений
Учреждения Российской академии наук Институт социологии РАН

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор
Дробязева Леонидия Михайловна

Официальные оппоненты:

доктор социологических наук, профессор
Гофман Александр Бенционович

доктор социологических наук, профессор
Маликова Наиля Рамазановна

Ведущая организация:

Российская академия государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кафедра национальных и федеративных
отношений

Защита состоится 23 сентября 2009 г. в 14:00 часов на заседании Диссертационного совета
Д.002.011.02 в Институте социологии РАН по адресу: 117218, г. Москва,
ул. Крижжановского, д. 24/35, к. 5, ауд. 323.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Учреждения Российской академии наук
Институт социологии РАН.

Автореферат разослан 21 августа 2009 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат социологических наук

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000549182

И.О.Тюрина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

За последние два десятилетия интеграция полиэтнического и поликонфессионального общества, принимающего значительные потоки иммигрантов, стала привлекать все большее внимание российских специалистов. Страны Запада с давним опытом демократических институтов и гражданского общества первыми столкнулись с необходимостью выработки мер по регулированию интеграционных процессов. Опыт интеграции выходцев из стран Третьего мира в Европе и Северной Америке насчитывает не одно десятилетие. И сегодня западная социология предлагает различные объяснения социальной реальности, на которых основывается оценка эффективности той или иной политики интеграции, а также выводы о необходимости конкретных изменений в политической практике. Более глубокое знакомство российских специалистов с социальными реалиями в странах Запада и их концептуализацией в научной литературе представляет собой ресурс для осмысления российской ситуации, а также позволяет более осторожно подойти к использованию иностранного опыта в качестве обоснования прогнозов и конкретных политических мер в России.

В последние несколько лет на русском языке вышло немало публикаций, посвященных рассмотрению существующих социальных и политических практик в полиэтнических странах и их сопоставлению с ситуацией в России. При этом интерес исследователей был направлен прежде всего на так называемые «иммигрантские» страны – США, Канаду, Австралию. Подобный выбор во многом справедлив. Именно в этих странах начались и в дальнейшем получили свое развитие дебаты вокруг политики регулирования культурного разнообразия. В то же время европейский опыт, представляющий не меньший интерес, известен не столь широко.

Среди государств Европы особое место занимает Франция – страна с исторически сложившимся этническим разнообразием, которое за последние полвека увеличилось благодаря значительному числу иммигрантов не-европейского происхождения. Французская республика, изначально осуществляющая политику построения нации по модели гражданского общества (политический¹ или гражданский² национализм), в последнее время стала объектом пристального внимания в России в связи с попытками концептуализации российского нациестроительства и особенно после событий в пригородах французской столицы осенью 2005 г. Произошедшие беспорядки стали серьезным поводом как для переоценки отношения в обществе к «проблемным» городским районам, так и для трансформации политики интеграции все более этнически разнообразного населения страны.

Интерес к ситуации во Франции не в последнюю очередь связан с тем, что в этой, традиционно католической, стране проживают самые крупные по своей численности в

1 Kohn H. Nationalism: Its meaning and history. New York., 1955.

2 Greenfield L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Harvard University Press, 1993.

Западной Европе конфессиональные меньшинства – буддисты и мусульмане, причем, именно последние привлекают к себе наибольшее внимание и становятся объектом алармистских заявлений о «войне религий» и «разрушении европейской цивилизации»³. Идея «Евразии»⁴, прозвучавшая в 2005 г., получила широкий резонанс в прессе и политических кругах. В России подобные настроения нашли свое отражение в намеках на «доморощенных марокканцев»⁵ в лице трудовых мигрантов из Средней Азии и на возможность повторения «французского сценария» в российских городах. Распространение идей о «мусульманской угрозе» ведет к необходимости исследования реального положения выходцев из стран Северной Африки во Франции.

Во Франции прежние волны иммиграции преимущественно из европейских и католических стран (до 1960-х гг.) нередко противопоставляются новым иммигрантам из бывших африканских колоний, где преобладает мусульманское население. Французские политики и общественные деятели регулярно заявляют о меньшем интеграционном потенциале молодежи североафриканского происхождения в сравнении с выходцами из Испании или Португалии. Подобные сравнения в пользу предыдущих волн иммиграции характерны и для других стран, столкнувшихся со значительными новыми потоками иммигрантов. Однако, если в США противопоставление выстраивается в первую очередь на предположении о более низкой квалификации новых иммигрантов, то во Франции акцент делается на их меньшую культурную готовность к ассимиляции.

Начиная с 1980-х гг. республиканская модель интеграции монополизировала право на политический, общественный и научный дискурс вокруг проблематики иммигрантов⁶. Следствием этого является незначительное число работ, посвященных данной проблематике, а также заметное отставание в области эмпирических и теоретических исследований не только от США, где литература подобного рода начиная с работ социологов Чикагской школы получила наибольшее развитие, но и от других европейских стран, характеризующихся менее продолжительной историей иммиграции. Сложности изучения интеграции населения иммигрантского происхождения во Франции также связаны с практически полным отсутствием «этнической статистики» – статистической информации, отражающей этническую и конфессиональную принадлежность жителей страны.

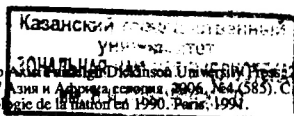
Если социальные реалии французского населения магрибского происхождения и в целом мусульман уже освещались в работах российских социологов, этнологов и историков, то анализ интеграции рассматриваемой группы во французскую нацию в контексте политической модели, формально не признающей этнокультурную специфику в публичном пространстве, проводился лишь в связи с ее отдельными аспектами. Комплексный анализ интеграционного процесса в различных сферах социальной жизни с учетом роли индивидуальных и коллективных акторов, интеграционного потенциала принимающей среды, нарастающей роли транснациональных сообществ и динамики

3 Фаллачи О. Ярость и гордость. М., 2002.

4 Ye'Or B. (Littman G.). Eurabia: The Euro-Arab Axis. London: Da Capo University Press, 2005.

5 Прожогина С.В. Погас ли осенний костер? // Азия и Африка сегодня, 2006, №4 (585). С.38-45.

6 Schnapper D. La France de l'intégration. Sociologie de la nation en 1990. Paris, 1994.

политических практик в отечественной литературе до сих пор проведен не был. Все это обуславливает актуальность данного исследования и его практическую значимость.

Научная разработанность проблемы

Возникновение концепций социальной интеграции связано с общественными изменениями на рубеже XIX-XX вв. – процессом модернизации общества. Переход от «традиционной», «механической» в определении Э.Дюркгейма, к «органической» социальной организации способствовал смене представлений о становлении единого национального общества. Традиции социологического осмысления интеграции и социальной сплоченности, заложенные классиками социологии, были продолжены исследователями Чикагской школы, в работах которых прослеживается значительное влияние идей о «чужаке» Г.Зиммеля, представлений Ф.Тенниса о *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*, а также трудов Э.Дюркгейма, посвященных социальной интеграции.

Основные положения теории ассимиляции, предложенной чикагскими социологами, оставались господствующими в литературе, посвященной интеграции иммигрантов на протяжении большей части XX в. Вклад Чикагской школы в понимание процесса интеграции также заключается в разработке таких основополагающих для дальнейших исследований концепций как дезорганизация и реорганизация (У.Томас, Ф.Знанецкий⁷), цикл ассимиляции (Р.Парк, Э.Берджесс⁸), сегрегация городского пространства (Э.Берджесс, Л.Вирт⁹, Ф.Фрейзер¹⁰), социальная дистанция (Э.Богардус¹¹), маргинализация (Э.Стоунквист¹²) и др.

Операциональное определение концептов классической теории ассимиляции дал М.Гордон¹³, выделивший различные аспекты этого процесса. Тем не менее, предложенная им модель, ставшая основой для множества эмпирических исследований, была подвергнута критике со стороны специалистов, рассматривающих этнокультурное разнообразие как неотъемлемую характеристику принимающего общества (Н.Глейзер, П.Мойнихан¹⁴ и др.), а также со стороны социологов, разделяющих неомарксистскую точку зрения и подчеркивающих роль классового неравенства в процессе интеграции (Р.Блаунер, Э.Бонасич, У.Уилсон¹⁵ и др.). Кроме того существовавшая парадигма ассимиляции не учитывала транснационального характера иммиграции, на которое прежде всего обратили внимание исследователи диаспор (П.Джилрой, У.Сафран, Х.Тололян¹⁶ и др.).

Попытка пересмотреть классическую теорию с учетом критики и наработок экономической социологии была сделана исследовательским коллективом под

7 Thomas W., Znaniecki F. *The Polish Peasant in Europe and America*. Chicago University Press, 1918-1920.

8 Park R., Burgess E. *Introduction to the Science of Sociology*. New York, 1924.

9 Wirth L. *The Ghetto*. Chicago University Press, 1928.

10 Frazier F. *The Negro in the United States*. New York, 1939.

11 Bogardus E. *A Social Distance Scale* // *Sociology and Social Change*. 1933. №7. p. 265-287.

12 Stonequist E. *The Marginal Man. A Study in Personality and Culture Conflict*. New York, 1937.

13 Gordon M. *Assimilation in American Life. The Role of Race, Religion and National Origin*. Oxford University Press, 1964.

14 Glazer N., Moyihan P. *Beyond the Melting Pot. The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italian and Irish of New York City*. MIT Press, 1963.

15 Blauner R. *Racial Oppression in America*. New York, 1972; Bonasich E. *A Theory of Ethnic Antagonism: the Split Labor Market* // *American Sociological Review*. 1972. №37. p. 547-559; Wilson William J. *The Truly Disadvantaged, The Inner City, the Underclass and Public Policy*. Chicago University Press, 1987.

16 Gilroy P. *The Black Atlantic. Modernity and Double Consciousness*. Harvard University Press, 1993; Safran W. *Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return* // *Diaspora*. 1991. vol.1. №1. p. 83-99; Tololyan Kh. *Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment* // *Diaspora*. 1996. vol.3. №1. p. 3-36.

руководством А.Портеса, предложившего теорию сегментной ассимиляции¹⁷. Важную роль в осмыслении интеграции населения иммигрантского происхождения авторы данной теории отводят социальному капиталу, концепция которого была введена в социологическую литературу П.Бурдьё¹⁸ и разработана Дж.Коулмэн¹⁹. Отдельного упоминания заслуживает недавняя работа американских социологов Р.Алба и В.Ния²⁰, демонстрирующих адекватность теории ассимиляции для понимания реалий «новых» волн иммиграции и предлагающих ее современное прочтение. Во франкоязычной литературе сложная точка зрения на процессы интеграции иммигрантов прослеживается в работах таких авторов как Ф.Дюбе, Р.Касторьяно, К.Ле Ю, Д.Лепутр, А.Мансо, М.Сафи, М.Трибала²¹.

Непосредственно с темой диссертационного исследования связаны работы многих французских специалистов, занимающихся проблематикой населения магрибского происхождения во Франции, которые могут быть объединены в несколько основных направлений. В частности, социально-демографические и социально-экономические аспекты интеграции иммигрантского населения исследуют П.Вейль, Ф.Дюбе, Д.Лапейронни, Ж.-Л.Риппар, М.Трибала, Ф.Эран²² и др. Политические предпочтения и электоральное поведение – С.Бруар, В.Тибери²³ и др. Ценности и верования, определяющие повседневность иммигрантов и их потомков, анализируются в исследованиях Э.Фланкара²⁴. Проблематику дискриминации и расизма в отношении жителей Франции магрибского происхождения анализируют В.Жейссер, Р.Кастель²⁵ и др. Отдельное направление связано с изучением населения магрибского происхождения через призму ислама, данной тематике посвящены работы таких авторов как Л.Азаб, А.Буае, Дж.Вайс, К.Витоль де Вандэн, Н.Каппо, Ж.Келье, Р.Лево, Дж.Лоуренс, Х.Мозен-Финан, О.Риа, Ж.Сезари, Ф.Хосрохавар²⁶ и др.

Публикации российских специалистов, исследующих проблематику интеграции в условиях Франции, стали появляться с середины 1990-х гг. Особого внимания среди них заслуживают работы Е.И.Филипповой²⁷, анализирующей положение французов североафриканского происхождения в контексте французской иммиграционной и

17 Portes A. The Economic Sociology of Immigration: Essays on Networks, Ethnicity and Entrepreneurship. New York, 1995.

18 Bourdieu P. Les trois états du capital culturel // Actes de la Recherche en Sciences Sociales. 1979. №30. p. 3-6.

19 Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital // The American Journal of Sociology. 1988. №94. p. S95-S121.

20 Alba R., Nee V. Remaking the American mainstream. Assimilation and Contemporary Immigration. Harvard University Press, 2003.

21 Dubet F. Trois processus migratoires // Revue française des affaires sociales. 1989. №33(3). p. 7-28; Kastoryano R. Être Turc en France et en Allemagne // Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien. 1992. №13. p. 5-19; Le Huu Kh. L'immigration asiatique: économie communautaire et stratégies professionnelles. Paris, 1996; Lepoutre D. Cœur de Banlieue. Paris, 1997; Manço A. Turquie: vers de nouveaux horizons migratoires? Paris, 2004; Safi M. Le processus d'intégration des immigrés en France: inégalités et segmentation // Revue française de sociologie. 2006. №62(3). p. 618-639; Tribalat M. Faire France: une grande enquête sur les immigrés et leurs enfants. Paris, 1995.

22 Weil P. La République et sa diversité. Paris, 2005; Dubet F., Lapeyronnie D. Quartiers d'exil. Paris, 1994; Tribalat M. Op. cit.; Richard J.-L. Partir ou rester? Destinées des jeunes issus de l'immigration. Paris, 2004; Héran F. Le temps des immigrés. Essai sur le destin de la population française. Paris, 2007.

23 Brouard S., Tiberj V. Rapport au politique des Français issus de l'immigration. Paris, 2005.

24 Flanckar E. Croyances et valeurs chez les jeunes Maghrébins. Bruxelles, 2003.

25 Geisser V. La nouvelle islamophobie. Paris, 2003; Castel R. La discrimination négative. Citoyens ou indigènes? Paris, 2007.

26 Azab L. Dire l'islam en banlieue. De l'offre islamique à l'expérience religieuse et aux présentations de soi. Terrains croisés 2001-2006. Thèse de doctorat. IEP. Paris, 2007; Boyer A. L'islam en France. Paris, 1998; Kakpo N. L'islam, un recours pour les jeunes. Paris, 2007; Kepel G. Les banlieues de l'islam. Paris, 1991; Laurence J., Vaisse J. Intégrer l'islam. La France et ses musulmans, enjeux et réussites. Paris, 2007; Leveau R., Mohsen-Finan Kh., Wihlto de Wenden C. L'islam en France et en Allemagne: identités et citoyennetés. Paris, 2001; Roy O. L'islam mondialisé. Paris, 2004; Cesari J. Être musulman en France: Associations, militants et mosquées. Paris, 1994; Khosrokhavar F. L'islam dans les prisons. Paris, 2004.

27 Филиппова Е., Филиппов В. Государство и общество перед лицом социального кризиса (две парадигмы: российская и французская) // Этническая ситуация и конфликты в государствах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад 2005. М., 2006.

культурной политики, а также И.В.Понкина²⁸, рассматривающего взаимодействие государства и ислама в условиях верховенства принципа светскости. Истории становления мусульманского сообщества во Франции посвящены работы М.К.Любарт²⁹, А.В.Кудрявцева³⁰. Роль иммиграции в изменении французского подхода к культурному разнообразию рассматривает А.И.Куропятник³¹. В проведенном Е.Б.Деминцевой³² комплексном исследовании предпринята попытка охватить разные стороны жизни, а также проблемы, с которыми сталкиваются жители Франции североафриканского происхождения.

В рамках данной работы важную роль для выявления страновой специфики теоретического и практического подхода к интеграции иммигрантов и регулированию культурного разнообразия сыграли исследования таких авторов как П.Вейль, Г.С.Витковская, Д.Горовиц, Ж.А.Зайончковская, К.Инглис, Р.Касторьяно, В.И.Мукомель, Ж.Нуарель, Э.А.Пави, А.Сафад, А.Фэйвелл, Д.Шнаппер³³ и др.

Для понимания межгрупповых взаимодействий в условиях культурного разнообразия важное значение имели работы, посвященные исследованию этнического самосознания, процессов воспроизводства и производства этнической и надэтнической идентичности, Б.Андерсона, Ю.В.Арутюняна, Ф.Барта, З.Бокшаньского, Р.Брубэйкера, В.Воронкова, М.Вьевьорка, А.А.Галкина, Э.Геллнера, М.К.Горшкова, А.Б.Гофмана, М.Н.Губогло, Л.Д.Гудкова, Л.М.Дробижевой, И.М.Кузнецова, Н.Р.Маликовой, С.В.Рыжовой, Э.Смита, Г.У.Солдатовой, Н.Е.Тихоновой, В.Тишкова, Э.Хобсбаума, В.Д.Шапира³⁴ и др. Отдельного

28 Понкина И.В. Ислам во Франции. М., 2005.

29 Любарт М.К. Арабы-мигранты в современной Франции // Меняющаяся Европа: проблемы этнокультурного взаимодействия. М., 2006.

30 Кудрявцев А.В. Мусульмане во Франции // Россия и мусульманский мир. 2002. №11. С.155-168.

31 Куропятник А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб., 2000.

32 Деминцева Е. Быть «арабом» во Франции. М., 2008.

33 Weil P. Qu'est-ce qu'un Français? Histoire de la nationalité française depuis la Révolution. Paris, 2002; Витковская Г.С. Миграционная политика на региональном уровне // Материалы семинара по миграционной политике мэрии Москвы, Берлина и Вены. М., 2001; Horowitz D. Immigration and Group Relations in France and America // Horowitz D., Noiriel G. (dir.): Immigrants in Two Democracies: French and American Experience. New York University Press, 1992; Зайончковская Ж.А. Адекватна ли интересам страны миграционная политика Российской Федерации // Миграционное законодательство в Российской Федерации и проблемы прав человека. М., 2002; Ingilis C. Multiculturalism: New Responses to Diversity // Global Cultural Diversity Conference. MOST-UNESCO, 1995; Kastyorano R. Negotiating Identities: States and Immigrants in France and Germany. Princeton University Press, 2002; Мукомель В.И. Миграционная политика России. Постсоветские контексты М., 2005; Noiriel G. Etat, nation et immigration, vers une histoire du pouvoir. Paris, 2000; Пави Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М., 2004; Sayad A. Qu'est-ce que l'intégration? // Hommes et Migrations. 1994. №1182; Favell A. Philosophies of Integration: Immigration and the Idea of Citizenship in France and Britain. London, 2001; Schnapper D. Op. cit., 1991.

34 Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983; Арутюнян Ю.В. Агрияне в Москве // Социологические исследования. 2001. №11. С.13-21; Barth F. Introduction / Barth F. (ed.): Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference. Bergen, 1963; Bokszański Z. Tożsamości zbiorowe. Warszawa, 2006; Brubaker R. Ethnicity without Groups. Harvard University Press, 2004; Конструирование этничности / Под ред. В.Воронкова, И.Освальд. СПб., 1998; Wieworka M. La différence. Identités culturelles: enjeux, débats et politiques. Paris, 2005; Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1989; Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1983; Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Социологические исследования. 2009. №3. С.15-27; Гофман А.Б. Классическое и современное. Эпюды по истории и теории социологии. М., 2003; Гофман А.Б. Социология и гражданская религия в современной России // Социология и современная Россия. Под ред. А.Б.Гофмана. М., 2003; Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М., 2003; Гудков Л.Д. Негативная идентичность. М., 2004; Дробижева Л.М. Социальные проблемы международных отношений в постсоветской России. М., 2003; Кузнецов И.М. Тип экономических ориентаций и дифференциация этнических групп // Социальное неравенство этнических групп: представление и реальность / Под ред. Л.М.Дробижевой. М., 2002; Маликова Н.Р. Парадоксы межнационального общения. М., 1992; Мукомель В.И. Миграционная политика России. Постсоветские контексты. М., 2005; Рыжова С.В. Социальные аспекты межкультурного восприятия // Социология межэтнической толерантности / Под ред. Л.М.Дробижевой. М., 2003; Smith A. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1988; Солдатов Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998; Тихонова Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С.24-35; Тишков В.А. Рекием по этносу. М., 2003; Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality. Cambridge University Press, 1992; Национальное самосознание российских евреев / Шапиро В.Д. [и др.] // Диаспоры. 2001. №1-3.

упоминания заслуживает классификация этносоциальных процессов, разработанная Ю.В.Бромлеем³⁵.

Объектом исследования являются жители Франции магрибского происхождения, т.е. связанные своим происхождением с одной из стран Магриба – Алжиром, Марокко или Тунисом. Их этническая и конфессиональная принадлежность, страна исхода и опыт иммиграции при необходимости оговариваются в тексте дополнительно.

Предметом исследования является процесс интеграции иммигрантов и их потомков в демократическое общество с идеологией гражданской нации.

Под иммигрантами в данной диссертации понимаются лица, родившиеся за пределами Франции, изначально являющиеся гражданами другого государства, переселившиеся и проживающие во Франции, вне зависимости от их легального статуса. Термины, обозначающие национальную принадлежность (например, «алжирец»), используются в соответствии с политическим определением нации, т.е. как указание на гражданство.

Хронологические рамки исследования – 1980-2000-ые гг.

Целью данной диссертационной работы является анализ подходов к интеграции иммигрантов для выявления наиболее эффективных приемов включения иммигрантского населения в принимающее общество.

В соответствии с поставленной целью в диссертации решались следующие задачи:

- проанализировать социологические подходы к изучению процесса интеграции иммигрантов в принимающее общество и сформулировать теоретические основы для исследования процесса интеграции населения магрибского происхождения во Франции;
- раскрыть специфику «французской модели» интеграции иммигрантов в принимающее общество;
- проанализировать демографические, социально-экономические и культурные характеристики населения Франции магрибского происхождения;
- рассмотреть ценностные ориентации принимающего общества и политику, проводимую правительством Франции, способствующие интеграции населения магрибского происхождения во французскую политическую нацию;
- выявить значимость индивидуального и коллективного действия в процессе интеграции, концептуализировать рассматриваемый в работе эмпирический материал, опираясь на существующие теории интеграции иммигрантов в принимающее общество;
- предложить концептуальную основу для осмысления интеграционных процессов в российских реалиях.

Теоретико-методологические основы исследования базируются на синтезированном, интегральном подходе. В понимании интеграционных процессов автор опирается на структурно-функциональный и деятельностно-активистский подходы.

Эмпирическая часть исследования выполнена на основе анализа Конституции, официальных документов, характеризующих французскую национальную политику на уровне отдельных регионов и страны в целом, материалов аналитических отчетов, опубликованных французскими правительственными органами (Национальная

35 Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.

консультативная комиссия по правам человека (CNCDH), Центр стратегического анализа при правительстве Франции (CAS), Совет по экономике, социальным вопросам и окружающей среде при правительстве Франции (CES), Национальный институт статистики и экономических исследований (INSEE) и др.), а также неправительственными аналитическими центрами (UNESCO, Institut Montaigne, CSA, Commission Islam et Laïcité и др.).

Основными источниками для анализа социальных практик интеграции явились результаты работ французских исследователей:

- Проекта «Географическая мобильность и социальная инсертация» (Mobilité géographique et insertion sociale – MGIS), проведенного в 1992-1993 гг. под руководством М.Трибала³⁶, который включал опрос на основе трех выборок: иммигрантов в возрасте 20-59 лет из Алжира, Испании, Марокко, Португалии, Турции, стран Тропической Африки и Юго-Восточной Азии (случайная выборка, 8522 чел.); детей иммигрантов из Алжира, Испании, Португалии в возрасте 20-30 лет, родившихся во Франции (случайная выборка, 1921 чел.); и французов (репрезентативная выборка, 1822 чел.);

- Исследования, проведенного в 2005 г. под руководством С.Бруара и В.Тибери³⁷, включавшего опрос совершеннолетних французов иммигрантского происхождения, у которых по крайней мере один из родителей был гражданином одной из стран Африки или Турции (n=1003), и опрос совершеннолетних французов, родители которых родились во Франции (n=1006). «Иммигрантская» выборка изначально отличалась большей долей молодежи, чем в группе сравнения (так, в первой выборке лица в возрасте 18-31 год составляли 51%, во второй – 22%);

- Опросов, проведенных исследовательской компанией CSA совместно с Информационной службой правительства Франции для Национального консультативного комитета по правам человека (CNCDH) в 2005-2008 гг.³⁸. Выборка репрезентативная, составленная методом квот по стратифицированной и территориальной модели. Объем выборочной совокупности составил 1011 чел. в 2005 г., 1026 чел. – в 2006 г., 992 чел. – в 2007 г., 968 чел. – в 2008 г.;

- Опроса молодежи иммигрантского происхождения в возрасте 18-25 лет, родившихся или прибывших в возрасте до 6 лет в Германию, Францию, Великобританию, проведенного в рамках проекта Европейской комиссии «Эффективность стратегий национальной интеграции в отношении второго поколения мигрантов» (Effectiveness of National Integration Strategies Towards Second Generation Migrants - EFFNATIS)³⁹. В 1999-2000 гг. были опрошены: в Великобритании 178 лиц, имеющих пакистанское происхождение, 130 – гуджарати и 418 лиц, родившихся в неиммигрантских семьях; в Германии – 287 лиц турецкого и 283 югославского происхождения, а также 215 выходцев из неиммигрантских семей; во Франции – 218 лиц алжирского, 212 португальского и 286 неиммигрантского происхождения.

36 Tribalat M. Op. cit.

37 Brouard S., Tiberj V. Op. cit.

38 La lutte contre le racisme et la xénophobie: rapport d'activité. Paris, 2006-2009.

39 Schnäpper D. Qu'est-ce que l'intégration? Paris, 2007.

Особую группу эмпирических данных составили материалы экспертных опросов французских социологов и политологов, проведенных диссертантом в октябре-декабре 2007 г., дополнившие используемые для анализа результаты исследований комментариями и замечаниями их авторов, а также невключенные наблюдения автора диссертации в Париже, Сен-Дени и Вильжуифе осенью 2007 г. В работе также использовались материалы периодической печати и информационно-аналитических интернет-порталов.

Основные положения диссертационной работы, выносимые на защиту

1. На основе анализа теоретических подходов к изучению интеграции иммигрантов в принимающее общество интеграция может быть определена как многоаспектный и многоакторный процесс сближения между различными группами, формирующими социальную структуру общества, что предполагает постепенное ослабление этнических и, таким образом, социально-культурных отличий;

2. Культурная и социальная близость лиц магрибского происхождения к выходцам из того же этнического или конфессионального сообщества не препятствует их осознанию общности с остальными французами. С точки зрения языка общения и культурного потребления можно говорить об их аккультурации. На этом фоне у них сохраняется приверженность к религии и традиционная модель семьи, которые также находятся в процессе трансформации;

3. Успешная культурная интеграция не означает, однако, что иммигранты магрибского происхождения и их потомки наравне с другими французами участвуют в жизни принимающего общества, политических институтах и экономических практиках;

4. Расхождение между уровнем культурной, политической и социально-экономической интеграции неизбежно порождает фрустрация среди части иммигрантов и их потомков, которые особенно болезненно воспринимают условия своей жизни, будучи политически и культурно во многом французами. Разделяя западные ценности и, в частности, стремление к благополучию, успеху и профессиональному росту, молодежь магрибского происхождения в большей степени, чем их сверстники ощущает свой низкий социальный статус, что в ряде случаев является причиной агрессии по отношению к принимающему обществу;

5. Религия, предлагая четкие духовные и моральные ориентиры, становится для молодежи магрибского происхождения своего рода «убежищем» от трудностей, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни. При этом они обращаются к некоему универсальному исламу, отдаляясь от «семейного ислама» их родителей, включающего элементы марокканской, алжирской или тунисской культурной традиции. Ислам, который они выбирают, является, таким образом, не столько «возвращением к корням», сколько приобщением к новой «универсальной» идентичности, имеющей религиозную основу. Не воспринимаемые в качестве французов окружающими, но уже не считающие себя алжирцами, марокканцами или тунисцами, дети и внуки иммигрантов из Магриба сталкиваются с неизбежным противоречием в процессе самоидентификации. Принадлежность к универсальному, в значительной степени «воображаемому», исламскому сообществу позволяет выстроить положительный образ себя и пересмотреть свою инакость в позитивном смысле. В свою очередь это становится основанием для конструирования особой идентичности «французского мусульманина», предполагающей

интеграцию во французское общество и обосновывающей сохранение этнорелигиозной и, в ряде случаев, социальной специфики;

6. Дискриминационные практики, расизм и исламофобия, распространенные во французском обществе, усугубляют положение населения магрибского происхождения и препятствуют его интеграции. В результате совмещения этнокультурных, расовых и социальных стереотипов в массовом сознании формируется образ «пария из пригорода» как отражение страхов, с одной стороны, перед «нашествием исламского фундаментализма на западную цивилизацию», а с другой – перед «опасными и неконтролируемыми пригородами»;

7. Интеграция населения магрибского происхождения способствует как личная заинтересованность иммигрантов и их потомков, так и французская политика по отношению к меньшинствам. За последние три десятилетия она претерпела значительные изменения – от «ортодоксального республиканского» подхода, не замечавшего культурных различий в рамках французского общества, к стратегии, учитывающей реалии и проблемы, связанные с социальным и культурным разнообразием;

8. Можно выделить три направления, которые в дальнейшем, по всей видимости, могут способствовать решению проблемы интеграции населения иммигрантского происхождения во французское общество: признание в том или ином виде расового и этнокультурного разнообразия как основы для борьбы против расовой и этнической дискриминации; предотвращение «негативной дискриминации»; рассмотрение транснационального измерения проблемы и политических перспектив в рамках единой Европы, в частности, признание и поддержка культурной свободы на общеевропейском уровне.

Научная новизна исследования:

- обобщен опыт социологического изучения интеграционных процессов в отношении иммигрантов магрибского происхождения и их потомков во Франции;
- уточнено понятие интеграции как многостороннего процесса, отдельные аспекты которого в индивидуальном или коллективном жизненном опыте могут не совпадать по своим темпам, направленности или же вовсе отсутствовать;
- продемонстрировано сохранение национальной специфики в обсуждении интеграции иммигрантов на фоне сближения конкретных социальных и политических практик с опытом других демократических стран;
- предложена концептуальная основа для потенциального совершенствования интеграционных процессов в российских реалиях.

Теоретическая и практическая значимость

Результаты исследования позволяют уточнить концептуальные подходы к анализу процессов интеграции населения иммигрантского происхождения в гражданское общество; дают дополнительный материал для понимания природы коллективных идентификаций в условиях глобализирующихся обществ; позволяют сформулировать подходы к практическому решению проблемы регулирования этнокультурного разнообразия в рамках гражданской нации. Полученные результаты могут быть использованы в учебном процессе при подготовке профессиональных социологов, политологов, управленцев, а также при написании учебников и учебных пособий по данной проблематике.

Апробация положений диссертационного исследования

Основные положения, идеи и выводы диссертации апробированы автором в докладах и сообщениях, представленных на трех научных конференциях в том числе: на международной конференции «Пост-коммунистический мир: 25 лет перемен» (Варшава, 5-8 июля 2006 г.); ежегодной конференции Сообщества профессиональных социологов «Социология в современном российском обществе: диагноз тенденций и перспектив» (Москва, 15 декабря 2007 г.); III Всероссийском социологическом конгрессе «Социология и общество: проблемы и пути взаимодействия» (Москва, 21-24 октября 2008 г.). Материалы диссертации обсуждались на заседаниях Отдела этнической социологии, Центра исследований межнациональных отношений Института социологии РАН. По вопросам, обсуждаемым в диссертационной работе, автором было опубликовано 5 печатных работ, среди которых три статьи в научных журналах (в том числе одна – в ведущем рецензируемом издании), а также тезисы докладов на научной конференции и Всероссийском социологическом конгрессе.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «Введении» содержится общая характеристика работы, обосновывается ее актуальность и новизна, цель и исследовательские задачи, определяется объект и предмет исследования, формулируется теоретико-методологический подход к исследованию, характеризуются методы и эмпирическая база исследования, раскрывается научно-практическая значимость работы.

В Главе I «Теоретическое осмысление и политическая традиция интеграции иммигрантов» обосновывается используемая в работе терминология, анализируются теоретические подходы к изучению процесса интеграции иммигрантов в принимающее общество в работах классиков социологии, социологов Чикагской школы и американских социологов второй половины XX в. Анализируется национальная специфика осмысления иммиграции во французской социологии и особенности «французской модели» интеграции.

В §1 «Выбор терминов: интеграция или ассимиляция?» аргументируется выбор термина «интеграция» для обозначения предмета исследования данной диссертации.

Несмотря на разнообразие концепций, предлагаемых для осмысления судьбы иммигрантов в принимающем обществе, главным образом, в англоязычной литературе, во французских академических и политических кругах основная дискуссия традиционно связана с употреблением терминов «ассимиляция» и «интеграция». Оба понятия отражают один и тот же процесс, но заметно отличаются по своим коннотациям.

Предпочтение термина «интеграция» во франкоязычной литературе своими корнями уходит в социологию Э.Дюркгейма, который основу интеграции современных обществ видел в «органической солидарности», предполагающей дифференциацию и взаимодополняемость индивидов и функций. Помимо морфологических свойств общества первостепенное

значение Дюркгейм придавал моральному единству. Отсюда важная роль образования в формировании общих для всех членов данного общества ценностей, символов, ориентаций и ритуалов – «гражданской религии». Задача социологии в этом ключе может быть понята как описание, объяснение и понимание социальной сплоченности или же интеграции общества. В то же время несмотря на определенный консенсус в социологическом понимании интеграции с точки зрения макроструктурных процессов, употребление этого термина стало предметом споров с того момента, как интеграция иммигрантов была обозначена в качестве политической проблемы.

Начало 1980-х гг. стало поворотным моментом для французского обществоведения, когда, по замечанию французской исследовательницы Д.Шнаппер, «ассимиляция оказалась сведена к ассимиляционизму»⁴⁰. Отказ от употребления термина «ассимиляция» как в академическом, так и в политическом дискурсе вокруг иммиграции был в значительной степени определен двумя обстоятельствами. Первое связано с ростом регионализма и обвинений со стороны французских этнических меньшинств в адрес якобинского государства, уничтожающего региональную культурную специфику в пользу доминирующей французской культуры. Второе – с переосмыслением опыта колонизации. В колониальном контексте ассимиляция рассматривалась как процесс приспособления колонизованного населения к нормам и ценностям западной культуры, превосходство которой над местными культурами предполагалось по умолчанию. Оба движения – регионализм и анти-колониализм – находились на пике в 1980-е гг. и в значительной степени определили дискурс вокруг иммиграции.

В этот период во Франции начались поиски альтернативных терминов. Сначала в официальных текстах появилось понятие инсертации, а затем интеграции. Определение, предложенное Верховным советом по интеграции в 1993 г., в некотором роде узаконило разграничение между ассимиляцией и интеграцией, связывая первый термин с постепенным исчезновением всякой культурной специфики, а со вторым – равновесие между необходимостью социальной сплоченности и возможностью сохранения культурной специфики иммигрантского населения, прежде всего в частной сфере.

Автор диссертации обращает внимание на то, что полемика вокруг ассимиляции и интеграции, длительное время определяющая обсуждение иммиграции во Франции, не нашла реального отклика в социологической литературе в других западных странах. В частности, в США начиная с работ Чикагской школы термин ассимиляция используется чаще и без обязательной негативной коннотации. Изменения во французской социологической терминологии скорее отражают идеологический поворот, а не смену теоретического подхода.

Концепт интеграции, предложенный социологами для объяснения комплексного социального процесса, стал политической парадигмой и моделью осмысления политических практик в сфере регулирования иммиграции и культурного разнообразия. В то же время этот термин сохраняет свою адекватность для научного употребления, хотя и требует определения и четкого обозначения концептуальных рамок.

40 Schnapper D. La relation à l'autre. Au cœur de la pensée sociologique. Paris, 1998. p. 407.

Поскольку данная диссертация посвящена анализу в первую очередь французской социологической традиции и действительности, автор предпочитает говорить именно об интеграции, опираясь в понимании этого термина в том числе и на теоретические разработки англоязычной литературы по вопросу ассимиляции.

В §2 «Работы социологов Чикагской школы. „Классическая“ теория ассимиляции» приводится обзор работ чикагских социологов первой половины XX в., исследовавших положение иммигрантов в американском обществе, анализируется их вклад в становление теории ассимиляции.

Теория ассимиляции преобладала в литературе, посвященной положению иммигрантов в принимающем обществе, на протяжении большей половины XX в., что позволило называть ее «классической». В соответствии с ней, население иммигрантского происхождения по своим характеристикам с течением времени постепенно сближается с местным населением и перестает от него отличаться. Процесс утраты этническими группами своей специфики признавался естественным, неизбежным и необратимо ведущим к ассимиляции. В основу данного подхода легли работы социологов Чикагской школы, которые в то же время не предложили завершенной теории ассимиляции. Их основной вклад в анализ процессов интеграции иммигрантов заключался прежде всего в обширных эмпирических исследованиях по этой проблематике. Уделяя важное место социальным, прежде всего этническим группам в организации общества, они смогли предложить концепцию социальной интеграции, отличную от концепции Дюркгейма. Работы Чикагской школы легли в основу дальнейших исследований ассимиляции и во многом определили всю американскую социологию межэтнических и расовых отношений вплоть до 1960-х гг.

В §3 «Критика „классической“ теории ассимиляции» анализируются альтернативные теории ассимиляции и на основе их обобщения формулируется теоретический подход к исследованию интеграции в данной диссертации.

Обобщая эмпирические и теоретические работы, отражающие классическое видение ассимиляции, автор обращает внимание на то, что все они основываются на трех предпосылках: понимание ассимиляции как естественного процесса, предположение о существовании «ядра» принимающего общества, в которое включается иммигрантское население, и представление об иммиграции как процессе индивидуального уровня. Эти три положения стали основными мишенями для критики классической теории ассимиляции, развернувшейся с начала 1960-х гг.

На нелинейность процесса интеграции и его многоаспектный характер обратил внимание М.Гордон⁴¹. Его вклад в осмысление проблемы состоит в том, что он первым разграничил ассимиляцию от аккультурации. Аккультурация охватывает сферу повседневной культуры и ценностей. Ассимиляция, в свою очередь, включает несколько аспектов: смешанные браки, социально-экономическая ассимиляция, смена идентификации, взаимодействие при отсутствии дискриминации и враждебности со стороны принимающего общества, участие иммигрантского населения в гражданской и политической жизни. Основопологающий тезис М.Гордона заключается в том, что аккультурация может

41 Gordon M. Op. cit.

происходить в отсутствие других аспектов ассимиляции. В ряде случаев, что в частности характерно для афроамериканцев в США, этап аккультурации может продолжаться неопределенно долго. Решающую роль М.Гордон отводит структурной или социально-экономической ассимиляции, поскольку она стимулирует остальные этапы процесса, в том числе способствуя снижению дискриминации, росту числа смешанных браков.

Для понимания интересующего нас процесса важно, что положение о существовании «ядра» общества (своего рода эталона для измерения ассимиляции, который по сути представлял собой культурный стандарт для среднего класса, состоящего из белых американцев англо-саксонского происхождения (WASP) начиная с 1960-х гг. было подвергнуто критике в рамках двух направлений. «Мультикультуралисты» отвергали мысль о культурно гомогенном принимающем обществе, подчеркивая значение этничности как основополагающего принципа социальных взаимодействий. Один из наиболее известных вариантов такой критики представлен в работе Н.Глейзера и П.Мойнихана⁴². В свою очередь, «структуралисты» оспаривали идею социально единого «ядра» общества, подчеркивая существовавшие в нем классовые отличия и неравенство. Примерами такого рода критики могут служить более поздние исследования М.Гордона, а также работы таких социологов-неомарксистов, как Р.Блаунер, Э.Бонасич, У.Уилсон. Несмотря на разные точки зрения, эти два направления сходятся в том, что обсуждают возможность ассимиляции иммигрантского населения в направлении культурных моделей, отличных от культурной модели доминирующего большинства.

Внимания заслуживают также критические работы, отмечающие, что классическая теория ассимиляции игнорирует роль социальных групп и контекста в судьбе отдельных индивидов. Понимание ассимиляции как индивидуального процесса упускает из вида возможности, которые предлагают иммигрантскому населению этнические сети (в т.ч. этнический бизнес), а также решающую роль в процессе ассимиляции установок принимающего общества, реализуемых через социальные институты и дискриминирующие практики.

Примером альтернативной теоретической модели, учитывающей основные положения критики со стороны «мультикультуралистов» и «структуралистов», а также обращающей внимание на коллективное измерение иммиграции, является теория сегментной ассимиляции иммигрантов, не так давно предложенная исследовательским коллективом под руководством А.Портеса⁴³. Данная теория сочетает одновременно многоаспектный и многоакторный подход, предполагающий анализ характеристик как индивидов, так и сообщества, к которому он принадлежит, а также институциональных и общественных установок в принимающем обществе относительно населения иммигрантского происхождения. Значительное влияние структурализма на рассматриваемую теорию прослеживается в представлении об обществе как разделенной на сегменты совокупности социальных групп, каждая из которых мобилизует особый тип поведения и культуру (или субкультуру). Таким образом, население иммигрантского происхождения может влияться в

42 Glazer N., Moynihan P. Op. cit.

43 Portes A. Op. cit.

одну из миноритарных групп и его судьба будет в значительной степени отличаться от классического представления об ассимиляции, которая по сути является лишь одним из возможных вариантов включения иммигрантов в общество. Кроме того параллельно с работами по изучению диаспоральных сетей таких авторов как П.Джилрой, У.Сафран, Х.Толоян, А.Портес и его коллеги обсуждают транснациональный характер иммиграции, обращая внимание на непрерывность связей между иммигрантским населением и страной исхода, а также на роль сетевых этнических сообществ в сохранении этих связей.

А.Портес стал одним из первых, кто обратил внимание на важность для осмысления процессов интеграции иммигрантов понятия «социальный капитал». Привлечение данного концепта позволяет дать интерпретацию такой переменной как этническое происхождение в отличном от этнопсихологии ракурсе. Ресурсы и сетевая структура этнического сообщества при достаточном уровне развития и организации могут быть мобилизованы в интересах членов сообщества, способствуя тем самым их интеграции.

Американские социологи практически единогласно отмечают, что интеграция иммигрантов из Азии или Латинской Америки осуществляется такими же темпами, что и интеграция европейских иммигрантов, прибывших в начале XX в. Но, как указывает Х.Ганс⁴⁴, результаты исследований как старых, так и новых волн иммиграции свидетельствуют о том, что, если аккультурация осуществляется достаточно быстро, то социально-экономическая интеграция в обоих случаях является более проблемной. Таким образом, концепция ассимиляции, предложенная социологами Чикагской школы и получившая дальнейшее развитие, в первую очередь, в американской социологии, с учетом некоторых замечаний по-прежнему является адекватной для решений исследовательских задач, связанных с проблематикой интеграции иммигрантов. Опираясь на работы Р.Алба и В.Ня⁴⁵, автор диссертации придерживается определения интеграции как многоаспектного и многоакторного процесса сближения между различными группами, формирующими социальную структуру общества, что предполагает постепенное ослабление этнических и, таким образом, социально-культурных отличий. Данное определение предполагает отказ от этнокультурного понимания «ядра» общества, которым обозначается мейнстрим, в котором этническая, расовая и религиозная принадлежности имеют минимальное значение. Кроме того данное определение позволяет уйти от представления об интеграции как о линейном и неизбежном процессе. Интеграция происходит постепенно со сменой поколений либо как результат целенаправленной деятельности, либо как спонтанные следствия действий индивида. Так, даже иммигранты, не стремящиеся к ассимиляции, могут в действительности ассимилироваться вследствие прагматичного поведения, направленного на «достижение успеха».

В §4 «Специфика „французской модели“ интеграции иммигрантов» рассматривается понимание нации во французском обществоведении, особенности

44 Gans H. Toward a Reconciliation of Assimilation and Pluralism: the Interplay of Acculturation and Ethnic Retention // International Migration Review. 1997. №31(4). p. 875-892.

45 Alba R., Nee V. Op. cit.; Alba R., Nee V. Rethinking Assimilation Theory for a New Era of Immigration // International Migration Review. 1997. №31(4). p. 826-874.

французской модели гражданского национализма и эволюция подхода к интеграции иммигрантов.

Формирование французской нации изначально связано с присоединением этнически неоднородных регионов, а затем и с поглощением значительных волн иммиграции. Тем не менее, в целом Франция не воспринимается ни населением, ни элитами как многокультурная страна и нередко рассматривается как главный пример модели государства-нации, опирающегося на универсализм и эгалитаризм.

Диссертант обращает внимание на то, что социология как источник представлений о социальных фактах в значительной степени способствовала и продолжает способствовать идеологическому доминированию в обществе «французской» республиканской модели. Социологическая традиция существует параллельно тому, что Д.Шнаппер называет «национальной традицией интеграции»⁴⁶, не признающей отдельные сообщества в публичном пространстве и основывающей свою легитимность на принципе индивидуального гражданства. В отличие от немецкой классической социологии, демонстрировавшей значительный интерес к природе этнонациональной принадлежности, понятие нация практически отсутствует в работах классиков французской социологии (исключение – текст М.Мосса⁴⁷). Как отмечает Д.Шнаппер⁴⁸, начиная с Э.Дюркгейма нация во французской социологии рассматривалась не как аналитическая концепция, а скорее как исторически обусловленная реальность. Наравне с заботой о солидарности общества, характерной для дюркгеймовской школы, французскую социологию довоенного периода отличало представление о необходимости совпадения культуры, политической нации и территории для лучшего функционирования общества. В пример приводилась, естественно, Франция. С этим также связано особое значение «гражданской религии» и системы образования в процессе национальной интеграции у Э.Дюркгейма, предполагавшего ослабление этнического в социальной жизни с переходом к современному обществу. Подобная позиция в отношении этнокультурных различий во французской социологии в послевоенные годы была усилена под влиянием марксистской теории.

Начиная с 1980-х гг. стали предприниматься попытки выйти за рамки этноцентричного представления об ассимиляции, которые активизировались с закреплением термина интеграция в словаре обществоведов и политиков. В то же время, несмотря на продолжающийся диспут между «интеграционнистами» и «коммунитаристами», значение его во Франции не столь заметно, поскольку обе стороны придерживаются принципа гражданского равенства и индивидуального понимания гражданства, расходясь лишь в понимании допустимого уровня присутствия особых идентичностей и принадлежностей в общественной жизни. Диссертант отмечает, что французская теория интеграции в значительной степени продолжает классическую теорию ассимиляции. Интеграция, в большинстве своем, рассматривается как процесс линейного и неизбежного сближения характеристик иммигрантов с усредненными характеристиками французского общества.

46 Schnapper D. Op. cit., 1998. p. 351.

47 Mauss M. Nation, nationalité, internationalisme // *Œuvres: Cohésion sociale et divisions de la sociologie*. Paris, 1969.

48 Schnapper D. Op. cit., 1991. p. 18.

В сфере политики «французская модель» интеграции нередко представляется как реализация основополагающих принципов Республики, изначально присущая французской иммиграционной политике. В то же время автор диссертации отмечает, что данная «модель» стала единственно легитимной в политическом пространстве Франции в 1980-1990-е гг. и в действительности характеризует скорее идеологию, чем конкретные политические практики. Непосредственные политические шаги, реализуемые французским правительством, в значительной степени определяются прагматизмом, примером чего может быть практика предоставления гражданства, которое в большинстве своем является результатом объективных характеристик (родственных связей или места рождения), а не свободного волеизъявления. Подобный «прагматичный» подход позволяет отчасти «сгладить» противоречия между социальными реалиями и идеологией. Ориентированную на практику политику управления взаимодействием между государством и этнокультурными сообществами Р.Касторьяно обозначает как модель «обсуждаемых идентичностей»⁴⁹ и рассматривает ее в качестве стратегии обеспечения легитимности государства-нации в условиях глобализации. Автор диссертации признает, что расхождение между республиканским идеалом национального единства и политикой прагматизма, которая все чаще учитывает политическую и социальную значимость отдельных групп иммигрантского происхождения, ведет к крайне сложным отношениям между французским государством и населением иммигрантского происхождения. В то же время предпринимаемые политические меры, направленные на интеграцию иммигрантского населения, позволяют говорить о медленных, но уверенных изменениях французской политики в сторону модели «обсуждаемых идентичностей».

В Главе II «Направления интеграции населения магрибского происхождения во Франции» рассматриваются социально-демографические характеристики населения Франции магрибского происхождения в контексте истории иммиграции, анализируются различные аспекты интеграции этой группы во французское общество.

В §1 «Социально-демографические характеристики исследуемой группы» анализируется иммиграция из Алжира, Туниса и Марокко во Францию во второй половине XX в., оцениваются масштабы иммигрантского потока из стран Северной Африки и численность населения Франции магрибского происхождения, рассматриваются его основные демографические характеристики.

Массовая миграция во Францию из стран Северной Африки во второй половине XX в. как во временном, так и в количественном отношении представляет лишь отдельный эпизод в более чем столетней истории иммиграции во Францию, основу которой составили выходцы из стран Южной Европы. В отличие от предыдущих волн, эта миграционная волна изначально формировалась путем активного найма французскими предприятиями жителей территорий, номинально или фактически являвшихся французскими колониями. Деколонизация в 1960-х гг. и экономический кризис середины 1970-х гг. в значительной степени определили не только дальнейшее социально-экономическое положение магрибцев, но и отношение к ним со стороны французского населения. Важную роль сыграли также

49 Kastoryano R. Op. cit., 2002.

изменения французской иммиграционной политики, на фоне которых трудовая иммиграция постепенно сошла на нет, а перемещения из стран Магриба во Францию практически полностью свелись к воссоединению семей и нелегальной иммиграции.

Оценка численности населения магрибского происхождения по данным французских демографов позволяет говорить о 3-4 млн человек, что не всегда соответствует заявлениям политиков и религиозных лидеров. При этом «магрибское происхождение» предполагает разнообразие национальной и этнической принадлежности, несмотря на бесспорное доминирование арабов – прежде всего выходцев из Алжира. Территориальное распределение магрибцев и их потомков во Франции неравномерно и связано с крупными городскими агломерациями и промышленными центрами, такими как Париж, Марсель, Лион и Лилль. При практически полном отсутствии в сельской местности, лица магрибского происхождения составляют до 7-12% городского населения Франции. Отличительной чертой этой группы также является возрастной состав, характеризующийся большей, чем для населения страны в среднем, долей молодежи до 24 лет. Показано, что рождаемость у иммигранток тесным образом связана с длительностью их проживания во Франции и может рассматриваться как своего рода индикатор интеграции. Адаптация к французскому образу жизни, принятие культурных норм и ценностей в итоге ведет к меньшему количеству детей у дочерей и внукам иммигрантов.

В §2 «Социально-экономическая интеграция» рассматривается участие магрибских иммигрантов и их потомков на рынке труда и в сфере образования, обсуждаются проблемы жилья и преступности в кварталах, «требующих особого внимания».

В период между двумя мировыми войнами, а затем в «славное тридцатилетие» (1945 – 1975 гг.) основными «двигателями» интеграции иммигрантов во французское общество были прежде всего рынок труда, а также армия, школа, партии и профсоюзы. Обязательная служба во французской армии была отменена в 2001 г. Республиканская система школьного образования столкнулась со значительными социальными проблемами и во многом утратила свой интеграционный потенциал. Рабочие профсоюзы, лишившиеся былого веса в политической и общественной жизни страны, перестали играть роль посредников в процессе интеграции. На рынке труда начиная с конца 1970-х гг. отмечается сокращение рабочих мест, прежде всего малоквалифицированных.

Опросы, проведенные французскими социологами, свидетельствуют о том, что стремление к материальному успеху и готовность к упорному труду для его достижения у иммигрантов и их потомков более выражено, чем у французов в среднем⁵⁰. Однако в условиях безработицы, уровень которой среди иммигрантов почти в два раза превышает средний по стране, наличие этой ценностной ориентации не находит отражения в повседневной практике. Иностранное происхождение и «не-европейская» фамилия в ряде случаев становятся дополнительными препятствиями на пути к профессиональной интеграции. Сложности с поиском работы отражаются в слабой мотивации к учебе и, как следствие, в низкой школьной успеваемости и в отказе от получения высшего образования. Значительный разрыв в уровне образования между жителями Франции магрибского

происхождения и остальными французами в свою очередь лишь усугубляет ситуацию и снижает и без того низкие шансы на трудоустройство.

Более одной трети французского населения проживает в пригородах, к которым относятся как зоны застройки социального жилья, так и районы загородных вилл, при этом почти половина выходцев из стран Северной Африки и их потомков сосредоточены в наиболее неблагополучных кварталах пригородов. Массовая застройка социального жилья в свое время стала решением жилищного кризиса. Построенные в соответствии с новаторскими архитектурными проектами многоэтажные спальные районы, служившие временным жильем для многих французов, трансформировались в анклавы бедности, нестабильности и социальной дезорганизации. Тем не менее, оставаясь этнически неоднородными и сохраняя присутствие социальных служб и полиции, эти кварталы не являются «гетто» в классическом понимании, хотя и характеризуются более высоким уровнем преступности. Вовлеченность молодежи иммигрантского происхождения в преступность в свое время трактовалось как отражение молодежной субкультуры рабочей среды, как особая форма «нелегальной» интеграции⁵¹. Автор диссертации разделяет тезис Ф.Дюбо о необходимости переосмысления молодежной преступности французских пригородов в условиях трансформации индустриального общества и распада традиционных форм интеграции как следствия социальной дезорганизации, исключенности и нефокусированной агрессии.

На основе проведенного сравнительного анализа результатов исследований французских социологов⁵², автор диссертации заключает, что, несмотря на дополнительные трудности и вызовы, с которыми столкнулись иммигранты последней волны, они также вовлечены в процесс социально-экономической интеграции, как и их предшественники. При этом во французском общественном мнении продолжают доминировать иные представления, основанные как на непосредственном опыте взаимодействия с населением магрибского происхождения, так и на информации о всплесках агрессии, беспорядках и преступности, тиражируемой СМИ.

В §3 «Культурная интеграция» рассматривается использование французского языка в среде иммигрантского происхождения, культурные практики, а также изменения в структуре семьи и отношения к смешанным бракам.

По результатам социологических исследований⁵³ и наблюдениям диссертанта французский язык является основным, а в ряде случаев, единственным языком общения лиц магрибского происхождения. При этом для молодежи магрибского происхождения из пригородов основным становится не столько литературный язык Мольера, сколько пригородный слэнг «верлан», в развитие которого они вносят непосредственный вклад. Культурные практики населения магрибского происхождения, затрагивающие сферу досуга, кулинарные предпочтения и потребление развлекательной продукции незначительно отличаются от культурных практик французов того же социального уровня. Автор

51 Thrasher F. *The Gang. A Study of 1313 Gangs in Chicago*. The Chicago University Press, 1927.

52 Weil P. *Op. cit.*, 2005; Dubet F., Lapeyronnie D. *Op. cit.*; Richard J.-L. *Op. cit.*; Safi M. *Op. cit.*; Tribalat M. *Op. cit.*; Hérin, F. *Op. cit.*

53 Schnapper D. *Op. cit.*, 2007. p. 114; Tribalat M. *Op. cit.* p. 202.

приходит к выводу о том, что аккультурацию иммигрантов и их потомков можно признать состоявшейся на уровне выбора языка общения и потребления культурной продукции.

О процессе интеграции свидетельствует трансформация структуры магрибской семьи. Особым образом этот процесс развивается в неблагополучных кварталах. Отец – низкоквалифицированный рабочий или безработный – утрачивает свой авторитет главы семьи, а материальное обеспечение ложится на плечи матери и выросших детей. Несколько более успешная профессиональная и социальная интеграция девушек и женщин ведет к пересмотру традиционных мужских и женских ролей в семье⁵⁴. Ослабление позиций юношей, зачастую не имеющих образования или безработных, помимо прочего сказывается и на снижении числа эндогамных браков. Попыткой восстановить утраченный авторитет мужчин является декларируемая приверженность к «традиционным» ценностям. Сохраняющиеся практики браков по принуждению и выбор «правильной» невесты из страны происхождения могут рассматриваться в этом же контексте. Одним из средств восстановления утраченного мужского/женского ролевого баланса и семейной сплоченности становится ислам.

В §4 «Рейсламизация населения магрибского происхождения» культурный и идентификационный аспекты интеграция населения магрибского происхождения рассматриваются в срезе конфессиональной принадлежности.

Являясь второй религией Франции по числу последователей, ислам сегодня все чаще определяет основную коллективную принадлежность населения магрибского происхождения. Местом отправления мусульманского культа во Франции, в большинстве своем, по-прежнему остаются моленные залы, оборудованные силами верующих в подвальных или хозяйственных помещениях. Проникновение мусульманской символики (минареты, призыв к молитве через громкоговоритель и др.) во французский городской ландшафт встречает сопротивление как со стороны местного населения, так и со стороны администрации. Последняя нередко обеспечивает финансирование деятельности религиозных мусульманских ассоциаций, формально регистрируемых в таком случае как «гражданские объединения». Разделяя тезис социологов Чикагской школы о присвоении публичного пространства как показателе интеграции, автор диссертации отмечает, что требования появления мечетей и мусульманской символики на улицах Франции свидетельствуют не в пользу тезиса о «неассимилируемости» мусульман, а, наоборот, об их нарастающей интеграции во французское общество.

Ислам остается важным ориентиром в организации повседневной жизни населения магрибского происхождения прежде всего на индивидуальном уровне, в то время как коллективная организация вокруг мечетей становится все более слабой. Уровень соблюдения религиозных практик среди мусульман остается несколько выше, чем для французов в целом и при этом в значительной степени варьирует в зависимости от страны происхождения и принадлежности к той или иной этнической группе⁵⁵. Автор обращает внимание на выборочное соблюдение религиозных предписаний: одни получают особую

54 Cén Cunha M. Evolution des rôles dans la famille maghrébine // *Panoramiques*. 1996. №26. p. 74-80.

55 Laurence J., Vaisse J. Op. cit. p. 116-117; Tribalat M. Op. cit. p. 94-96.

значимость, тогда как другие забываются. Соглашаясь с мнением Ф.Хосрохавара⁵⁶ о том, что подобная символическая «реисламизация» характеризует становление религии в качестве ориентира для самоидентификации, особенно в случае молодежи из неблагополучных пригородов, автор подчеркивает, что она, судя по результатам опросов⁵⁷, не препятствует ощущению принадлежности к французской нации. Ислам становится источником ценностей, наделяющим смыслом жизненный опыт иммигрантов и их потомков, что необязательно требует соблюдения тех или иных религиозных практик. Верующие не столько подчиняются традиционным нормам и религиозным институтам, сколько сами выбирают отвечающие их индивидуальным запросам ценности и практики. Автор обращает внимание на то, что это отражает процесс трансформации религиозности в современном мире, затрагивающий не только ислам.

В §5 «Интеграция населения магрибского происхождения в политическую сферу общественной жизни» рассматривается отношение выходцев из Северной Африки и их потомков к французской гражданской идентичности, политическим и общественным институтам, их участие в политической жизни страны.

Французы магрибского происхождения в подавляющем большинстве заявляют о своем стремлении к интеграции, о сильной привязанности к принявшей их стране и оптимизме в отношении функционирования французских политических и общественных институтов⁵⁸. Важное место религии в жизни французов магрибского, африканского и турецкого происхождения не препятствует их положительному восприятию концепции светскости. Опровергая тезис о «конфликте цивилизаций», иммигранты из Магриба и их потомки демонстрируют легитимность по отношению к демократии. Даже среди самых малообеспеченных жителей Франции североафриканского происхождения демократия находит поддержку чаще, чем среди остальных французов из той же социальной категории⁵⁹. В то же время автор обращает внимание на непропорционально низкую представленность иммигрантов и их потомков в числе избранных руководителей органов местного самоуправления и депутатов парламента.

В Главе III «Интеграционный потенциал принимающего общества» рассматриваются проблемы дискриминации, расизма и исламофобии, а также факторы, способствующие интеграции иммигрантов и их потомков.

В §1 «Негативный образ арабо-мусульманского населения: основные составляющие» обсуждаются исторические предпосылки особого места арабов и мусульман во французском общественном мнении, роль наследия колониальной эпохи и концепции светскости в восприятии ислама.

Образ магрибцев во французском общественном мнении по-прежнему несет отпечаток средневековых представлений о варварах-сарацинах, однако в гораздо большей степени этот образ обязан истории XX в., среди ключевых событий которой франко-алжирская война, Иранская революция, теракты исламских фундаменталистов во Франции и в мире. Итогом

56 Khoroshkavar F. *Islam des jeunes musulmans et exclusion // Comprendre les identités culturelles*. Paris, 2000. p. 81-97.

57 Brouard S., Tiberj V. *Op. cit.* p. 17-21.

58 Dargent C. *Les musulmans déclarés en France: affirmation religieuse, subordination sociale et progressisme politique // Cahiers du CEVIPOF*. 2003. №34. p. 71-72.

59 Brouard S., Tiberj V. *Op. cit.* p. 25.

стало закрепление ассоциативного ряда «араб – мусульманин – исламский фанатик – террорист»⁶⁰. Дополнительной негативизации образа магрибцев с 1980-х гг. способствовали социально-экономические проблемы неблагополучных кварталов с их высоким уровнем безработицы и преступности. В последние годы заметное влияние на образ выходцев из Магриба в общественном сознании оказал диспут вокруг колониального прошлого Франции⁶¹. Кроме того негативное восприятие лиц магрибского происхождения в ряде случаев связано с искаженными представлениями об исламе как неизбежной угрозе французской традиции лаицизма и основе для коммуитаристских требований со стороны «этнических» мусульман.

В §2 «Дискриминация населения магрибского происхождения» рассматриваются дискриминационные практики в отношении населения магрибского происхождения, основывающиеся на расовой или религиозной предубежденности.

Французское население характеризуется позицией, в которой относительная терпимость к иммигрантам и иностранцам одновременно сочетается с крайне негативным отношением к иммиграции. Почти 40% французов считает, что в стране «слишком много» иммигрантов, объясняя свой ответ высоким уровнем безработицы в стране, затратами на социальные службы, проблемами жилья и безопасности⁶². Следствием ксенофобии становится повседневная дискриминация населения магрибского происхождения в сфере жилья и досуга, на рынке труда, в СМИ, со стороны полиции, а также угрозы и нападения расистского характера, число которых возросло на фоне городских беспорядков в 2005 г.⁶³. К формам дискриминации автор также относит распространение искаженных представлений о населении магрибского происхождения в СМИ, ангажированно пишущих о «мусульманском экстремизме» и «арабской угрозе».

Признание ислама как неотъемлемой части французской действительности имеет неоднозначный характер. В краткосрочной перспективе можно говорить о нарастании исламофобии, на что повлияли теракты 2001 г. в США, дебаты вокруг ношения мусульманских платков в школах, беспорядки 2005 г. в пригородах. Однако, если рассматривать временной отрезок в несколько десятилетий, то отмечается постепенное признание французским населением ислама как неотъемлемой части жизни страны и согласие с необходимостью создания условий для отправления мусульманского культа⁶⁴.

§3 «Факторы, способствующие интеграции» посвящен анализу факторов, способствующих интеграции населения иммигрантского населения во французское общество.

Автор обращает внимание на роль институтов гражданского общества в процессе интеграции. В отсутствии целенаправленной политики интеграции в 1960-1970-е гг. именно негосударственные объединения, в т.ч. иницируемые Католической церковью Франции, взяли на себя обеспечение процесса интеграции во французское общество. Сегодня деятельность местных и национальных ассоциаций предполагает, с одной стороны,

60 Laurence J., Vaisse J. Op. cit. p. 73.

61 Castel R. Op. cit.; Laurence J., Vaisse J. Op. cit.; наблюдения автора диссертации.

62 La lutte contre le racisme et la xénophobie: rapport d'activité. Paris, 2006.

63 Ibid.

64 Ibid., 2009.

поддержку в культурной и социальной сфере, с другой – мониторинг, противодействие дискриминации и расизму и привлечение внимания общественности к проблемам населения магрибского происхождения. Среди итогов работы неправительственных организаций: принятие в 1990 г. закона, запрещающего любую дискриминацию на этническом, национальном или религиозном основании и принятие в 2004 г. закона, ужесточающего наказание за высказывания и действия расистского или антисемитского характера.

Процессу интеграции и преодолению негативных стереотипов также способствует нарастающее участие лиц магрибского происхождения в научной, культурной и спортивной жизни Франции. Автор обращает внимание на то, что «звезд» магрибского происхождения в этих сферах непропорционально мало, но, с учетом роли СМИ в современном обществе, их появление, судя по наблюдениям автора, оказывает значительный эффект на признание и принятие выходцев из стран Магриба и их потомков остальными французами. Появляются все больше «успешных» иммигрантов, заметных в публичном пространстве благодаря своим достижениям в бизнесе и политике⁶⁵.

Интеграции способствуют отдельные политические меры французского правительства. Анализ политических практик за последние два десятилетия позволяет автору выделить три направления французской политики интеграции: признание этнокультурного и расового разнообразия французов в публичном пространстве; признание ислама и выстраивание отношений между государством и представителями мусульманских сообществ; разработка и реализация политики «позитивной дискриминации», направленной на пивелирование низкого социального статуса и повышение социальной мобильности французов магрибского, в первую очередь, магрибского происхождения.

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования.

Иммигранты магрибского происхождения и их потомки несомненно стали вызовом для французской модели интеграции. В то же время особенности ее как на уровне идеологии, так и на уровне практик позволяют предполагать временный характер возникших трудностей.

На уровне идеологии французский гражданский национализм, закрепленный в Конституции и других нормативных документах, обладает мощным интеграционным потенциалом. Предполагаемая универсальность декларируемых идей свободы и равенства граждан, непосредственное участие каждого отдельного гражданина в жизни общества посредством развитых демократических институтов, принадлежность к нации, обусловленная свободным волеизъявлением – все это делает французский политический проект, по крайней мере в теории, привлекательным и достаточным для обеспечения политической лояльности вне зависимости от этнической, расовой или религиозной принадлежности французских граждан. Отказ от признания этнокультурных и расовых сообществ в публичном пространстве, что многими ставится в упрек французской модели, по сути поощряет производство множественных и гибридных культурных идентичностей, выходящих за рамки традиционных этнических или расовых сообществ. Таким образом идеология гражданского национализма в данном случае изначально предполагает

65 Wihtol de Wenden C., Leveau R. La bourgeoisie. Les trois âges de la vie associative issue de l'immigration. Paris, 2001.

возможность сосуществования «культурной свободы», которая становится неотъемлемой характеристикой современных обществ, с политической лояльностью, ограниченной пределами одной нации. В России подобная идеология находит свое отражение в опыте построения российской гражданской идентичности.

В то же время характерной чертой французской модели интеграции на уровне практик является ориентированность на прагматизм, что неизбежно требует признания специфики отдельных групп населения. Спектр возможных политических мер здесь варьирует от признания «через религию», продемонстрировавшего свою эффективность в процессе интеграции французских евреев и активно реализуемого президентом Н.Саркози в отношении мусульман, до прямой (как в случае с квотами для французских алжирцев в эпоху Ш.Де Голля) или опосредованной «позитивной дискриминации» (как в случае с «кварталами, требующими особого внимания» – ZUS). Об успешном существовании «этнических лобби» в стране может свидетельствовать тот факт, что Франция стала первой страной, признавшей геноцид армян на государственном уровне.

Ксенофобия и дискриминация, наблюдаемые сегодня в отношении выходцев из Магриба и их потомков, воспринимаемые некоторыми как отражение «французского шовинизма» и непреодолимое препятствие на пути к интеграции, по всей видимости представляют собой ситуативное явление. Участие гражданского общества в борьбе с дискриминацией во французском обществе может быть особенно интересна для российского опыта.

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Минобразования и науки РФ:

1. Дьяконов К.Б. Особенности интеграции этнических и конфессиональных меньшинств во Франции // Социологические исследования. 2008. №11. С.83-91.

В других изданиях:

2. Дьяконов К.Б. Из практики адаптации иммигрантов во Франции // Жизнь национальностей. 2008. №1. С.19-23.

3. Дьяконов К.Б. Мультикультурализм через религию: интеграция французов магрибского происхождения // «Этнодиалоги». 2008. №2 (28). С.119-141.

4. Дьяконов К.Б. Роль политических практик в формировании коллективной идентичности французов магрибинского происхождения // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2008.

5. Dyakonov K. Ethnic Minorities in a Large Russian City. Case of Moscow // Post-Communist World: 25 Years of Change. Warsaw East European Conference. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 2006.

Подписано в печать: 20.08.2009

Заказ № 2375 Тираж - 100 экз.

Печать трафаретная.

Типография «11-й ФОРМАТ»

ИНН 7726330900

115230, Москва, Варшавское ш., 36

(499) 788-78-56

www.autorefcraf.ru

102